

- ⁸² *Стькалин А.С.* Дьердь Лукач-мыслитель и политик. – М., 2001. – С. 22.
- ⁸³ *Mazsi J.* The Social History of the Hungarian Intelligentsia, 1825-1914. – Boulder; N.Y., 1997. – P. 223.
- ⁸⁴ *Ханак П.* Почему fin de siècle? Социальные и культурные перемены на рубеже XIX-XX вв. / Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. – М., 1997. – С. 107-108.
- ⁸⁵ Краткая история Венгрии... С. 185.
- ⁸⁶ Международный ежегодник: справ. для общественных деятелей. – СПб., 1913. – С. 26.
- ⁸⁷ *Kocsis K., Kocsis-Hodosi E.* Hungarian minorities in the Carpathian basin. – Toronto; Buffalo, 1995. – Appen. – Tab. 17.
- ⁸⁸ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... С. 402.
- ⁸⁹ *Sisa S.* The Spirit of Hungary. A panorama of Hungarian. History and Culture... – P. 75.
- ⁹⁰ АВПРИ Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 576. Л. 60.
- ⁹¹ «Курьер». Практический путеводитель для русских по городам и курортам Западной Европы и по Египту... – С. 73.
- ⁹² *Шоу А.* Городское управление в Западной Европе. – М., 1898. – С. 627.
- ⁹³ *Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца. – М., 2004. – С. 201.
- ⁹⁴ Путник (Н. Лендер) По Европе и Востоку. Очерки и картинки. – СПб., 1908. – С. 244.
- ⁹⁵ Промышленность и народное образование Венгрии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902. – №. – С. 369.
- ⁹⁶ *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы... – С. 406.

А.Г. КУГУЕЛОВ

ПРОБЛЕМА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война 1914-1918 гг. – одно из самых трагических событий в истории человечества, приведшее в движение миллионы людей. Она превзошла по своим масштабам все происходившие до этого войны. Размах боевых действий, использование новых видов вооружений и тактики ведения боя, все это привело к резкому увеличению по сравнению с прежними войнами числа военнопленных с обеих сторон. Одной из проблем, проявившихся очень остро во время событий 1914-1918 гг., является проблема военнопленных. За годы первой мировой войны в плену оказалось около 8 млн солдат и более 200 тыс. мирных граждан¹. В России было сосредоточено более 2 млн военнопленных германской, австро-венгерской, турецкой, итальянской, болгарской и других армий стран-противников Антанты².

В последние годы интерес к теме первой мировой войны возрастает. Появляется огромное количество трудов, отображающих как в целом события 1914-1918 гг., так и частные аспекты войны. Среди общих работ по истории войны необходимо отметить четырехтомник «Мировые войны XX века»³, два тома которого посвящены теме первого мирового кризиса. Здесь рассмотрены причины и итоги первой мировой войны, освещены боевые действия, политика и дипломатия противоборствующих стран, внутреннее положение государств, их экономика. В издании публикуются основные международные договоры, приводится также часть дипломатической переписки между руководителями европейских стран.

Специальных работ по проблеме военнопленных сравнительно мало. Так, российский ученый Д. Люкшин в статье «Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России»⁴, описывает жизнь и быт военнопленных стран Четверного союза на территории Казанской губернии, их численность, национальную принадлежность, условия их содержания. Его исследование основано на данных Государственного архива Республики Татарстан. За десять лет до публикации Д. Люкшина, исследователь из Республики Марий Эл, Г.И. Кириллов⁵, подробно останавливался на описании

быта и повседневной жизни австро-венгерских и немецких военнопленных на территории Царевококшайска в 1916-1918 гг. И.Н. Новикова в статье «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену»⁶, подробно останавливается на одном из аспектов пребывания военнопленных на территории России – побегам австрийских и немецких пленных на родину через страны Скандинавии.

Особое место занимает работа ставропольского ученого И.В. Крючкова, вышедшая два года назад и посвященная проблеме военнопленных Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии⁷.

Цель статьи: показать степень изученности проблемы пребывания военнопленных стран Четверного союза на территории России. В центре внимания были вопросы их численности, национального состава, быта и повседневной жизни, использования пленных на различного рода работах.

Казанская губерния, в состав которой входил и Марийский край, стала одним из центров размещения беженцев, интернированных и военнопленных: всего в Казанском военном округе, по данным Д. Люкшина, содержалось более 285 тысяч военнопленных⁸. Однако ни военная, ни гражданская администрация региона не были готовы к приему такого количества новых обитателей. Первые партии пленных в городах Центральной России размещали в неподготовленных помещениях: доходных домах, казармах новобранцев и дровяных сараях. В Казанской губернии за годы войны не было построено до конца ни одного специального лагеря для их содержания, такие лагеря, например, строились в Сибири, условия содержания в них были гораздо более тяжелыми, чем в центральных областях России. В Поволжье же офицеров размещали на квартирах без охраны, лишь под надзором полиции. Военнопленные жили по соседству с местным населением, которое, судя по отчетам, спокойно относилось к присутствию в губернии подданных враждебных держав.

Нужно отметить, что в целом условия содержания военнопленных в России отвечали требованиям Гаагской конвенции 1907 года, которые на долгие годы определили цивилизованные правила ведения войны. В частности, Стокгольмская конвенция, подписанная представителями Красного Креста России и центральных держав в 1915 году, уточняла в духе Гаагской конвенции 1907 года статус и права военнопленных, находившихся на территории России, и ее противников, накладывала определенные обязательства на правительства государств, на чьей территории оказались пленные. На практике требования этого положения в полном объеме выполнить было весьма трудно, так как обеспечение приемлемых условий существования для столь огромного количества новых жителей стало непосильным бременем для империи.

На втором году войны пленных стали распределять по уездным городам и даже в деревнях. Размещение военнопленных на территории России было организовано по национальному принципу. В привилегированном положении оказались военнопленные Австро-Венгрии, так как многие из них были славянского происхождения. Пленных же немцев, австрийцев и венгров отправляли, как правило, подальше от центра – обычно за Урал: в Омский, Иркутский, Туркестанский и Приамурский военные округа. На территорию одной только Казанской губернии, как утверждает Д. Люкшин, прибыло более двадцати тысяч военнопленных австро-венгерской, германской и итальянской армий⁹. Вообще же на берегах Волги обрели временное пристанище представители практически всех этнических групп, населявших империи

Гогенцоллернов и Габсбургов: немцы, мадьяры, русины, поляки, чехи, евреи, словенцы, хорваты, боснийцы, словаки, румыны, болгары, сербы и т.п.

Царевококшайск был одним из городов Казанской губернии, где содержались военнопленные. О пребывании в уездном Царевококшайске пленных солдат и офицеров стран Четверного союза, дают представление материалы, сохранившиеся в местном архиве. Царевококшайский лагерь военнопленных был преимущественно офицерским. В составе пленных, оказавшихся в Царевококшайске, число офицеров в два-три раза превышало число солдат, так как в маленьком городе негде было применить солдатскую рабочую силу и крупные партии солдат сюда не направлялись. Офицеры были, как правило, в небольших чинах. Из ста с лишним офицеров в контингенте пленных 1916 года, пишет Г.И. Кириллов, один имел чин майора, четверо были капитанами, девять – штабс-капитанами, и остальные – поручики, подпоручики, лейтенанты и кадеты¹⁰. Подавляющее число пленных были военнослужащими австро-венгерской армии, германцев было менее десятка.

К месту размещения пленные доставлялись по железной дороге либо по рекам, на пароходах. Оказавшимся на пересыльном пункте или на месте постоянного размещения разрешали отправлять телеграммы родственникам и знакомым, пленные могли связаться даже с однополчанами. Жизнь военнопленных четко регламентировалась, они получали все, что им было положено. Вместе с тем надзор за ними был достаточно строгим. Нарушения правил пресекались твердой рукой. Г.И. Кириллов в своей статье приводит, например, такой факт, отмеченный в приказе воинского начальника: «Военнопленного кадета Александра Барто за разговор с военнообязанной женщиной-немкой арестовываю на 7 суток при Управлении, а ратника, окарауливавшего пленных офицеров, за то, что допустил женщину-немку в помещение пленных офицеров, арестовываю на 10 суток простым арестом»¹¹.

В конце 1915 года пленных начинают привлекать к общественным, оборонительным и сельскохозяйственным работам. Военнопленных использовали на гидротехнических работах, лесозаготовках, строительстве железных дорог. Если в 1915 году пленных направляли в основном на работу в помещичьи «экономии», то через год они широко использовались и в крестьянских хозяйствах.

Русская деревня, как ни странно, давала представителям империи Гогенцоллернов и Габсбургов именно то, чего они были лишены в городах и на пересыльных пунктах: чувство уверенности в завтрашнем дне. Военнопленный впервые за долгие месяцы обрел почву под ногами и мог перевести дух. Обычно крестьяне щедро кормили своих работников. В «экономиях» все обстояло еще проще: пленные находились во власти управляющего, который распоряжался их трудом при посредстве старших рабочих. Враждебные чувства сельское население испытывало к «виртуальному» немцу, а реальные военнопленные особого раздражения не вызывали. Д. Люкшин приводит в своей статье отчет начальника Казанского губернского жандармского управления министру внутренних дел, в котором отмечалось отсутствие у крестьян единодушия в отношении к военнопленным и говорилось, что население относится к пленным «местами достаточно дружелюбно... местами же с недоверием и недружелюбно»; в том же отчете указывается и причина подозрительного отношения к пленным: «мужья, находящиеся в армии, опасаясь за супружескую верность их жен, в своих письмах настраивают родственников против военнопленных: «Мы тут кровь проливаем, а

они (военнопленные) там (в деревне) барами живут да за нашими бабами вьются»¹².

В «экономии» направлялись рабочие команды численностью от двух до тридцати человек. Там управляющие позволяли им переодеваться в штатскую одежду, не ограничивали свободу перемещения по селу, стремились поощрить трудовые усилия военнопленных. Крестьяне также остались довольны. Уже ранней весной 1916 года и помещики, и крестьяне обратились к земству, стараясь заполучить в свои хозяйства военнопленных, без которых не мыслили себе успешную посевную. Население «нанимало» пленных, то есть выплачивало им за работу дополнительное вознаграждение, без насильственного привлечения к работам. Военнопленные, в свою очередь, вели себя «вежливо», «по указанным правилам». Симпатия между пленными и крестьянами оказалась настолько устойчивой, что, по утверждению Д. Люкшина, большинство работников остались в хозяйствах и на зиму, помогая «своим» хозяевам молотить хлеб, возить сено и заготавливать дрова. Фактически они перешли на содержание крестьян, которые не только кормили работников, но и снабжали их бельем, одеждой и обувью¹³.

Распределением пленных солдат занимались губернские и уездные земства, куда земледельцы и землевладельцы направляли заявки, на основании которых затем формировались рабочие команды. Немцы, работавшие в деревнях, питались в соответствии с нормами, определенными Стокгольмской конвенцией, и даже лучше, за счет работодателей. Их труд оплачивался из бюджета земства: в месяц, по данным Д. Люкшина, они получали 8 рублей¹⁴. Таким образом, в 1915 году пленный, оказавшийся на поле, имел возможность не только хорошо питаться, но и существенно улучшить свое материальное положение. Другим серьезным источником денежных средств была материальная помощь своим военнопленным ряда частных фондов Германии и Австро-Венгрии. Так, из Германии через «Дойче банк» было переведено для военнопленных в России 14 млн 700 тыс. руб., из Австро-Венгрии – более 7 млн руб.¹⁵ Кроме того, военнопленные офицеры получали жалованье в зависимости от чина 50-100 руб. в месяц. К тому же в Сибири или в Средней Азии нередки были случаи, когда пленные подрабатывали как инженеры, бухгалтеры и т.п.

В сравнении, скажем, с Сибирью, Поволжье представлялось благоприятным местом, в 1915-1916 гг. в Казанской губернии, по данным того же Д. Люкшина, умерли всего шесть военнопленных: трое скончались от дизентерии и тифа, один солдат скончался от ран, прапорщик австро-венгерской армии Янош Асман утонул во время купания в Каме, и еще один человек повесился в лесу в Царевококшайском уезде, причины самоубийства так и остались невыясненными¹⁶. Попытки побега также были крайне редкими, что объясняется как удаленностью Поволжья от линии фронта, суровым наказанием для беглецов (их заключали в тюрьму), так и отсутствием внятных стимулов для побега.

Но все же попытки побегов были. Известно, например, что одни пленные пытались бежать через русско-иранскую границу, другие – через Дальний Восток в Америку. Но все-таки основным направлением побегов была русско-финская граница. Благодаря относительной простоте перехода, Финляндия привлекала военнопленных, размещенных практически по всей России – сюда бежали из лагерей Нижнего Новгорода, с тульских заводов, с Украины и даже из Средней Азии, Западной и Восточной Сибири. Военнопленные, по данным И.Н. Новиковой, использовали несколько маршрутов

для побегов: достаточно популярным был путь Петроград–Белоостров–Выборг–Гельсингфорс, откуда беглецы стремились попасть в финские города на побережье Ботнического залива или переходили шведскую границу в Северной Финляндии; другой маршрут: Сердоболь (Сортавала)–Нейшлот–Оулу–Торнео¹⁷.

Бежали в основном со строек, например, с Мурманской железной дороги. Беглецами являлись, как правило, немцы и австрийцы. Бежали не из-за каких-либо притеснений, а из-за тяжелых условий работы, плохого климата. К побегу подталкивали следующие обстоятельства: наличие солидных денежных средств, плохая охрана, безлюдные просторы русского севера, близость Финляндии, откуда легко было попасть в Норвегию или Швецию. В Швеции, например, существовала специальная организация, оказывавшая помощь беглецам, в частности, нанимавшая для них финских проводников, которые подстрекали военнопленных к побегам.

И.Н. Новикова в своей статье описывает несколько удачных попыток побегов. Так, например, она указывает, что первые сведения об удачном пересечении военнопленными финско-шведской границы российские военные власти получили осенью 1915 года: в одной из шведских газет был описан случай бегства шести германских военнопленных, трое из которых перешли границу в 20 км севернее Торнео. Второй случай удачного побега, также ставший достоянием общественности благодаря шведским газетам, – это побег австрийского полковника графа Лубенского из лагеря военнопленных в Костроме. Лубенскому удалось приобрести российский паспорт, с которым он добрался до Петрограда, затем пересек практически всю Финляндию вплоть до Ботнического залива. Финны переправили его через залив в Швецию, где он оказался под покровительством германского консула¹⁸.

Чтобы бороться с побегам, а заодно и с жалобами международных организаций, Управление Мурманской железной дороги решило сократить время пребывания военнопленных на строительстве дороги до нескольких месяцев, чтобы те не успели подготовиться к побегу. Выживших перебрасывали «для поправки здоровья» куда-нибудь на юг, например, на строительство Черноморской железной дороги. Были приняты также меры по усилению охраны финско-шведской и финско-норвежской границ. К поимке беглецов пытались привлечь и местное население, обещая выплачивать, по данным И.Н. Новиковой, за каждого задержанного пленного по 100 марок¹⁹.

Что касается фальшивых документов, то их в местах сосредоточения военнопленных можно было купить и на рынке, и даже в самом лагере за 150–200 руб.²⁰ Подпольные мастерские по производству фальшивых документов имелись в Петрограде, Москве, Красноярске, Омске, Вятке, Гельсингфорсе. Офицеры, бежавшие из плена, иногда покупали документы прямо в поезде, на пути в Петроград.

Для проникновения в Финляндию и затем перехода границы военнопленные использовали различные хитроумные приемы. Например, они могли изображать из себя прибалтийских беженцев или богомольцев, желавших попасть в святые обители, правда, исключительно на финской территории. Иногда военнопленные договаривались между собой бежать небольшой группой. Одного, похожего на славянина, одевали в форму русского солдата, который играл роль конвоира, сопровождавшего остальных военнопленных. На вокзале мнимый конвоир с фальшивыми документами, хорошо владевший русским языком, обращался к местному начальству, которое обычно

оказывало ему полное содействие, иногда даже отводило специальное купе. Таким способом группа добиралась до финской границы.

1917 год, начавшийся для российской провинции с известий о свержении монархии, застал сельское хозяйство Поволжья в разгар подготовки к весеннему севу. По отработанной уже схеме крестьяне и землевладельцы предполагали использовать для развития своих трудовых усилий пленных, однако моральное разложение армии, сопровождавшееся массовым дезертирством, внесло существенные коррективы в обыденный сценарий деревенской жизни. В результате деятельности нового правительства довольно быстро оказались упразднены или парализованы государственные институты, отвечавшие за содержание и использование военнопленных. Как раз ко времени сева в поволжских селениях скопилось огромное количество дезертиров, отпускников и раненых, не желавших возвращаться в свои части. Они приступили к привычным крестьянским занятиям. В создавшихся условиях крестьянские общины практически не нуждались в услугах военнопленных и от них легко отказались. Крестьяне, стремившиеся подзаработать в экономиях, решили избавиться от конкурентов; к тому же многие мужчины горели желанием предъявить «счет» тем, кто как им казалось, замещал их не только на поле, но и на супружеском ложе. В 1917 году отмечены открытые конфликты крестьян с военнопленными. До этого момента обходилось без рукоприкладства и агрессии.

На жизни и быте военнопленных сказались потрясения, происходившие в стране. С одной стороны, имела место либерализация режима содержания пленных – они получили больше возможностей для самоорганизации и выражения своих интересов. С другой стороны, вместе с нарастанием экономических трудностей ухудшалось их материальное положение, стали отмечаться факты недоставки пленным писем, посылок и переводов. Так, например, Г.И. Кириллов в своей статье утверждает, что в октябре 1917 года военнопленный офицер Шандор Дьердьфи писал уездному почтовому начальству, что не получил отправленных ему денежных посланий, об отправке которых его известили из дома²¹. Были пропажи нескольких посылок с вещами и продуктами. Военнопленные добивались облегчения условий своей жизни в плену. По ряду моментов власти шли им на встречу. Так, в конце декабря 1917 года в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие особые льготы для военных поляков: более свободное содержание, большая свобода передвижения, объединения и др. Данные правила распространялись также на военнопленных чехов, словаков и украинцев. На основании этих льгот военнопленные всех национальностей вскоре начали через своих представителей добиваться большей свободы содержания. Наряду с общими заявлениями военнопленных поступали и заявления отдельных лиц с конкретными просьбами. Например, Г.И. Кириллов приводит заявление подпоручика Вильгельма Марковича, поданное в начале 1918 года, в котором говорилось следующее: «Я, нижеподписавшийся австро-венгерский военнопленный офицер, прошу уважаемое начальство мне срочно разрешить сочетаться с браком на здесь живущую австрийскую незамужнюю подданную именно Анну Хэйнрих. Одновременно прошу мне позволить жить после заключения брака в частной квартире...»²².

Охрана лагерей была ослаблена, и военнопленные получили возможность относительно свободного выхода из мест содержания, в лагерях военнопленные создавали свои выборные комитеты, которые занимались вопросами их быта, трудоустройства и т.д. Постепенно размывалось само понятие

«плен», хотя значительно увеличилось и число побегов. Вследствие тяжелого продовольственного положения в России ухудшилось и снабжение пленных. Они превращались в «нежелательных едоков». Так, по данным И.Н. Новиковой, в июне 1917 года в городе Або (Турку) был задержан немецкий унтер-офицер Роберт-Хельмут Циннерт. На допросе он сообщил, что вместе с примерно 200 военнопленными был отправлен на строительство Мурманской железной дороги. Через пять недель работы подвоз продовольствия совершенно прекратился. Пленные устроили бунт, в результате чего местное руководство, не в силах обеспечить всех сносным питанием, распустило их «на все четыре стороны»²³.

В марте 1918 года между Россией и Германией был подписан Брест-Литовский мирный договор, которым предусматривалось освобождение военнопленных противоборствующих сторон. После подписания договора, предусматривавшего обмен военными и гражданскими пленными, Советское правительство стало принимать меры к наведению порядка в отношении учета пленных, соблюдения общих правил их содержания. В поступавших распоряжениях содержались указания о принятии мер против побегов военнопленных и их самовольных переходов с места на место.

Таким образом, в литературе достаточно подробно освещены некоторые стороны пребывания военнопленных в России. Исследования российских ученых по этой теме единичны, что связано, на наш взгляд, не только с недостаточной источниковой базой, но и с неоправданной непопулярностью самой темы в предшествующие годы. И хотя в последнее время появилось несколько трудов, посвященных данной проблеме первой мировой войны, вне поля зрения авторов оказалось много вопросов. Недостаточное освещение получило описание правовых и организационных проблем пребывания военнопленных на территории России, их отношения с местным населением, не известными оказались и судьбы австро-венгерских и немецких пленных после окончания первой мировой войны.

Примечания

¹ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк. – М., 2005. – С. 629.

² Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 55.

³ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк. – М., 2005. – 581 с.

⁴ Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 24-27.

⁵ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевококшайске (1915-1918 гг.) // Марийский археографический вестник. – 1995. – №5. – С. 30-44.

⁶ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 55-58.

⁷ Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны / И.В. Крючков. – Ставрополь: 2006. – 144 с.

⁸ Люкшин Д. «Да за нашими бабами вьются». Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 24.

⁹ Там же. – С. 24.

¹⁰ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевококшайске (1915-1918 гг.) // Марийский археографический вестник. – 1995. – №5. – С. 32.

¹¹ Там же. – С. 36.

¹² Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 26.

¹³ Там же. – С. 26.

¹⁴ Там же. – С. 25.

¹⁵ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 55.

¹⁶ Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 25.

¹⁷ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 56.

¹⁸ Там же. – С. 56.

¹⁹ Там же. – С. 57.

²⁰ Там же. – С. 57.

²¹ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевкокшайске (1915-1918 гг.) // Марийский археографический вестник. – 1995. – №5. – С. 37.

²² Там же. – С. 40.

²³ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 58.

Т.Г. НЕФЕДОВА, А.Д. ОГОРОДНИКОВ

ВETERАНЫ 6-Й НЕМЕЦКОЙ АРМИИ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ОКРУЖЕНИИ В 1942-1943 ГГ.

Сталинградская битва – значимое событие не только в истории Великой Отечественной войны, но и в тысячелетней истории Российского государства. Для нас – это неоспоримый символ мужества нашего народа, стойкости и героизма русского солдата. В 1943 году для большинства стран мира разгром немцев на Волге прозвучал как торжественный победный набат. Его слышали и ему радовались в Британии, поэтому английский король подарил жителям Сталинграда символ чести и мужества – меч. Весть о победе разжигала надежду даже в сердцах китайских партизан: узнав эту новость, будущий «великий кормчий» сказал, что отныне разгром Японии стал делом времени.

Победный набат для антигитлеровской коалиции превратился в похоронный звон для Германии. Это была катастрофа немыслимых для страны масштабов, даже нацистский режим не смог скрыть произошедшего. В одночасье рухнула немецкая картина мира, в плен «русским варварам» сдалась целая армия во главе со своим фельдмаршалом. 6-я армия вермахта, самый совершенный в мире механизм, просто прекратила свое существование по воле «дикарей». Со временем боль поражения утихла, прусский дух, столетиями культивировавшийся в стране, получил более тяжелые травмы. Однако трагедия окруженных осталась, так как бедствия, пережитые попавшими в «котел», по своим масштабам и трагичности не имеют аналогов в истории современной Германии.

Источниками для данной статьи явились личные дневники, протоколы допросов немецких военнопленных, солдатские письма на родину, мемуары выживших очевидцев событий, приказы и донесения советского командования. Использование такого спектра источников позволило взглянуть на события, во-первых, с различных позиций – от мнения рядового солдата до точки зрения генерала, а во-вторых, давало возможность критически оценить и взаимодополнить различные виды документов, особенно мемуары, написанные через годы, а то и десятки лет после войны. В целом, разнообразный круг источников позволил взглянуть на Сталинградскую битву гла-